

8P2
Д 90

Ю.И. ДЮЖЕВ

СЛУШАЙТЕ
РЕВОЛЮЦИЮ

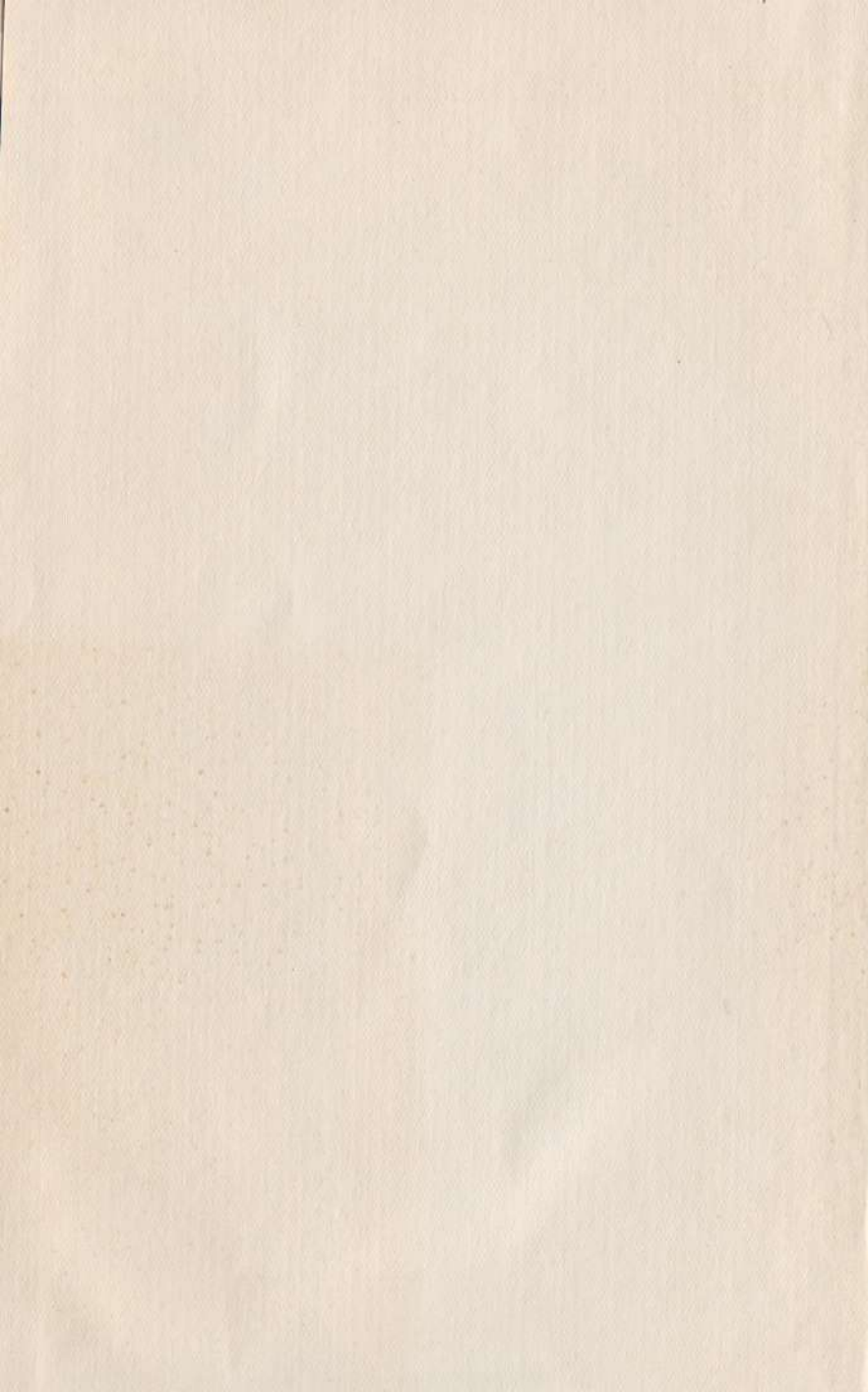
PetrCGB 88148367

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред. выдач _____

586-4

83.3(2РосКар)

В 8Р2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Д95

Ю. И. ДЮЖЕВ

СЛУШАЙТЕ РЕВОЛЮЦИЮ

Историко-революционная
тема в русской советской
литературе Севера

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРЕЛИЯ»
ПЕТРОЗАВОДСК 1974

007 ✓ 11

8P2
Д95

Научный редактор
Ю. А. Андреев

839632

Д $\frac{0722-084}{M127(03)-74}$ 49-74 92

© «Карелия», 1974

Петрозаводск
городская библиотека №3
АБОНЕМЕНТ

Никита выступает наблюдателем, которого «толкали из стороны в сторону, и он покорно поддавался течению». Налицо явный просчет в композиции произведения.

От идеализации героя идет и сглаживание реально существовавших конфликтов северной деревни. Крестьяне из повести «Шел восемнадцатый год» митингуют, по очереди дежурят в составе дружины, разговаривают на политические темы и даже читают вслух «Утопию» Томаса Мора; однако не видно, чтобы они заботились о новом урожае, о посевах, о земле.

Такая отрешенность от повседневных дел мешает созданию полнокровных образов тружеников земли, раскрытию истинных пружин их поступков и действий. Здесь можно говорить и о недостаточном знании прозаиком специфики крестьянского труда, и о сознательном стремлении «возвысить» образы героев, дабы подчеркнуть их новые социальные функции.

А ведь в главной книге А. Линевского романе «Беломорье» рыбацкий труд поморов по праву занял важное место, о нем рассказано с творческой увлеченностью, знанием дела, любовью. Именно поэтому становится читателю понятной радость, с которой поморы встретили революцию, раскрепостившую их труд.

4

Прозаику, приступавшему к освоению историко-революционной темы, помимо само собой разумеющегося яркого дарования необходимо было крепко держать в руках основные нити повествования, умело и со вкусом отбирать факты, выстраивать их незаметным образом в четкую архитектурную линию, чтобы из кажущегося хаоса первичных материалов выявить истинную сущность времени, нарисовать без лакировки и утешительных оговорок одухотворенные образы героев гражданской войны.

Во многом удалось решить эту столь трудную задачу Е. Марьенкову в «Записках краскома», опубликованных в «Новом мире» под заголовком «Огонь на Севере» (1966), и Д. Гусарову в «Трех повестях из жизни Петра Анохина» (1968).

Послесловие к «Запискам краскома» написал Александр Твардовский, отметивший как достоинство автор-

ской манеры то, что Е. Марьенков «дорожит прежде всего подлинной историей своей жизни в самом, может быть, значительном ее периоде, стремясь к наибольшей, так сказать, правдивости, исповедальной откровенности рассказа»¹.

Максимальная точность в описании реалий времени привлекли к книге Д. Гусарова внимание известного прозаика Д. Гранина, особо выделившего в предисловии к отдельному изданию «покоряющее ощущение полной достоверности»².

Налицо несомненная общность в оценке произведений. А. Твардовский и Д. Гранин главным в книгах Е. Марьенкова и Д. Гусарова видят умение синтезировать факт и мысль, заставить читателя поверить в свою концепцию событий, основанную на точном знании эпохи.

Но к конечному результату Е. Марьенков и Д. Гусаров пришли разными путями, во многом predeterminedными своеобразием их жизненного и творческого пути.

Для Д. Гусарова (р. 1924) книга повестей о Петре Анохине хотя и была началом работы над историко-революционной темой, но далеко не первым произведением на писательском пути. Проблемы объективного и субъективного в изображении прошлого вставали перед Д. Гусаровым уже во время написания романа «Боевой призыв» о событиях Великой Отечественной войны. Но там дату публикации (первая часть романа вышла в 1951, вторая в 1957 году) от времени действия отделял сравнительно небольшой промежуток. Д. Гусаров опирался на свой боевой опыт и в этом плане его субъективное ощущение войны лишь придавало достоверность роману. А вот о революции и гражданской войне Д. Гусаров мог знать лишь опосредствованно, поэтому в книге о Петре Анохине от знания документального фона времени он двигался к проникновению в мир переживаний героя, от общего, абстрактного представления — к конкретной детали, точному психологическому рисунку.

¹ А. Твардовский. О «Записках краскома» Е. Марьенкова. — Новый мир, 1966, № 12, с. 69.

² Д. Гранин. [Предисловие] — В кн.: Д. Гусаров. «Три повести из жизни Петра Анохина». — М., «Худож. лит.», 1970, с. 6.

В ином порядке, от частного — к общему, от автобиографических заметок — к большой правде истории шла творческая эволюция Е. Марьенкова, чьи первые попытки рассказать о событиях гражданской войны на Севере относятся к двадцатым — тридцатым годам.

За устными рассказами в кругу друзей и публикацией в сборнике смоленских писателей «Молодое» последовала и первая самостоятельная книга Е. Марьенкова под символическим заглавием «Жизнь» (1934), в которую вошли три рассказа («Враги», «Граната», «Поединок») о событиях гражданской войны на Севере. Они и сегодня привлекают простым разговорным языком, несомненным знанием обстановки. На страницах рассказов «Поединок» и «Враги» впервые появились будущие герои «Записок краскома» — командир полка Кирьенко и пулеметчик Потапов. Из рассказа «Враги» вошел в «Записки» эпизод нападения эскадрильи английских аэропланов.

Используя отдельные ситуации книги «Жизнь», Е. Марьенков переходит в «Записках краскома» к исповедальному рассказу от первого лица, тщательно выписывает бытовой фон эпохи, не спешит с выводами, предполагая, что читатель сам разберется в фактах, изображенных с возможной правдивостью.

Д. Гусаров и Е. Марьенков отбирают для повествования те мгновения из жизни героев, в которых с наибольшей отчетливостью отразилось лицо времени.

В центре повести «Вызов» Д. Гусаров поставил события, связанные с неудавшимся покушением Анохина на жандармского шпика; основой второй повести «Вся полнота ответственности» избраны факты послереволюционных лет в Карелии, когда Анохин, будучи одним из организаторов советской власти в Олонецкой губернии, оказался участником ожесточенной полемики между различными политическими партиями и умело отстаивал ленинские позиции; наконец, третья повесть «Трагедия на Витимском тракте» рассказывала о последних днях жизни Анохина.

Выбранные Д. Гусаровым три страницы из жизни героя позволили выявить многогранность характера Анохина, подчеркнуть те невидимые, но прочные нити, которые протянулись от восемнадцатилетнего разносчика газет, поднявшего нож на жандармского служаку, до

решительного, волевого руководителя олонецких коммунистов.

Исторически конкретным является описание Д. Гусаровым сложной политической борьбы в первой половине 1918 года между олонецкими большевиками и левыми эсерами, раскрытой в борении сильных человеческих индивидуальностей.

Точные координаты времени и места действия имеют и «Записки краскома», которым предшествует строка из оперативной сводки за 12 августа 1919 года: «В Северодвинском направлении противник потеснил наши части по обоим берегам». Эта строка имеет непосредственное отношение к судьбе героя повести: ведь именно в памятном бою 12 августа белогвардейцы разгромили его полк, именно в этот день он попал в плен.

Но действие в повести начинается на три месяца раньше, с описания митинга отправляемого на фронт запасного полка. Уже здесь автор настраивает читателя на ту будничную трезвость в описании времени, что становится как бы камертоном всего повествования: «Красноармейцы томились молча, рукавами смахивая пот с лица, и, казалось, не слушали слов комиссара полка, очень худого, жилистого черноволосого человека, который призывал их к подвигу и жертвам во имя родины и революции». Читатель, привыкший к описаниям шумных митингов с красочными речами, невольно остановит внимание на этой строчке, казалось бы не свойственной «митинговым» картинам. Но это очевидное невнимание к общим, хотя и правильным словам, становится понятным, когда автор знакомит с составом запасного полка: в нем нет ни питерских пролетариев, ни московских металлистов, а есть вчерашние крестьяне, оторванные от плуга и земли как раз в посевную.

И в дальнейшем Е. Марьенков опирается на опыт военной молодости, проходившей в боях с интервентами и белогвардейцами на Севере, достоверно излагает историю томительной «окопной» войны лета и осени 1919 года, налаживания дисциплины и снабжения Красной Армии.

Подчеркивая своеобразие местных условий, и автор «Записок краскома» и автор «Трех повестей из жизни Петра Анохина» счастливо избегают дотошного, чисто краеведческого описания событий, отбирают факты, ко-

которые были типичны для многих человеческих ячеек бурлившей страстями советской России. И поэтому описание Д. Гусаровым ожесточенного политического диалога между олонецкими большевиками и их политическими противниками, как и дискуссия о воинской дисциплине и сознательности — в книге Е. Марьенкова, дают представление в целом о проблемах, волновавших общество в те годы, о сложности становления советского государства.

Для Петра Анохина «школой жизни» стала каторжная тюрьма, опыт революционной борьбы. Именно в схватке с самодержавием отточилось умение Анохина с полемической доказательностью отвечать на выпады врага. Скитаясь по ссылкам и тюрьмам, обогатил он свою память знанием ленинского учения, приобрел необходимое политическое чутье. Оно пригодилось ему в минуты, когда не было связи с центром, когда острейшие вопросы политической борьбы приходилось решать, исходя из собственного анализа обстановки. Без школы жизни, описанной в повести «Вызов», не было бы и тех жизненных университетов, что довелось пройти герою в первый послеоктябрьский год, и в этом плане очевидна преемственность первых двух повестей книги о Петре Анохине.

Значительность обретенного героем опыта Д. Гусаров подчеркивает, сталкивая повзрослевшего Анохина с друзьями детства Левого Левиным и Абрамом Рыбаком. Если для Петра минувшие годы были временем обогащения памяти глубиной марксистско-ленинских знаний, мужания характера, то его ровесники остались на прежних позициях, и их взгляды, казавшиеся вчера Петру столь значительными и интересными, сегодня осуждаются им как левоэсеровский анархизм в условиях победившей революции. Еще не раз внутри второй повести Д. Гусаров возвращается к воспоминаниям Анохина о пребывании его в царских тюрьмах, и эти уводы в прошлое не только логично связывают вторую повесть книги с событиями первой, но еще и еще раз возвращают читателя к истокам биографии героя, показывают закономерную обусловленность победы большевистских идей.

Для Алексея Боброва «школа жизни» начинается, когда он получает под командование отряд плохо обу-

ченных красноармейцев, и завершается в трагических условиях плена. Самостоятельность выводам автора «Записок краскома» придает его постоянная опора на автобиографическое знание жизни, отказ от всякого приукрашивания собственных ошибок.

Война в описании Е. Марьенкова предстает в земных ее заботах, война — это работа, а не праздничный фейерверк подвигов удальцов из «приключенческих» повестей двадцатых годов.

Приводимый ниже отрывок сочетает деловую картину армейских будней с психологически точным самоанализом и острой наблюдательностью:

«В то утро, часов в девять, я пошел в Городок: опять предстояло ссориться с завхозом Кукушкиным из-за красноармейского обмундирования, заодно договориться с комендантом о бане. Но завхоза я на месте не застал — он спозаранку отправился на позиции, чтобы лично проверить нуждаемость бойцов в обмундировании и обуви. Пришлось его ждать.

Среди ясного, совершенно безоблачного неба вдруг раздался оглушительный гром, от которого в Городке дома задрожали. Противник стрелял из тяжелых, из легких, из бомбометов; ураганный огонь открыли с канонерок. Лес стонал от непрерывных взрывов. В штабе полка поднялся переполох: белогвардейцы наступают!..

Я выскочил из штаба и напрямик по картофельной ботве и грядкам, перепрыгивая через изгороди, бросился к лесу, думая только об одном: «Как же там наша рота? Что с ней?..»

В нескольких шагах от тех воронок, где я недавно подобрал раненого, толпилось человек десять вооруженных красноармейцев. А у самой воронки в окровавленной нижней рубашке стоял один немолодой уже красноармеец, и, широко расставив руки, словно преграждая путь, кричал им:

— Куда вы, сволочи? Там за советскую власть умирают, а вы убегаете, предатели? Не пуцу!.. Не пуцу!.. — Он кричал надрывным, чуть не плачущим голосом. — Опомнитесь! Не пуцу! Не пуцу!..

Красноармейцы явно опешили и растерянно переглядывались. В бешенстве, нахлынувшем на меня, я хватил из кобуры наган и крикнул во всю мочь:

— В окоп, за мной — бего-ом!

Они, словно очнувшись, сразу повернули назад, и мы все побежали навстречу рвущимся снарядам.

Но орудийный гул вдруг замер. Он прервался так же внезапно, как и вспыхнул. До боли в сердце бьющая тишина повисла над израненными соснами».

Этот отрывок начинается с рассказа «краскома» о делах, приведших его в Городок; о них сообщается в выражениях нарочито официальных: «предстояло ссориться... договориться... лично проверить нуждаемость бойцов...» За канцеляризмами, столь не свойственными юному герою, скрывается понятное желание придать особый вес столь мирному поручению, заранее настроиться на встречу с «тыловиками».

Военная краткость появляется в описании внезапной атаки противника. Достаточно упомянуть, что от канонады «в городке дома задрожали», как становится ясной необстрелянность «краскома», эмоциональное преувеличение опасности.

За рассказом от «я» кроется информация самого «краскома» о происходящем и одновременно авторское понимание поступков героя. Алексей нигде не говорит о себе, о своих переживаниях, он лишь излагает события, но в самих его жестах, словах, движениях полно вырисовывается характер. Ведь хотя герою и показалось, что «дома задрожали» от выстрелов, он не прячется возле штабных окопов, а торопится на передовую. Острота момента такова, что рассказчик невольно становится особенно наблюдательным и замечает окровавленную рубашку немолодого красноармейца, ощущает до «боли в сердце» неожиданную тишину после закончившейся орудийной перестрелки.

Диалог героя с отступающими красноармейцами может вызвать невольную улыбку, но и кажущаяся юмористической деталь («краском» просит солдат вернуться в роту и доложить, что они «сдрейфили и чуть не сбежали, но потом возвратились») не выдумана, она отражает состояние дисциплины в только что сформированных, необстрелянных частях, показывает, что и сам рассказчик устал после несостоявшегося боя, добр сердцем, верит людям.

В отличие от душевной «открытости» героя «Записок краскома», которому отданы авторские симпатии, Петр Анохин более сдержан в эмоциях. В рассказе

о нем Д. Гусаров предпочитает дать слово документам и фактам.

Первая повесть об Анохине «Вызов» находится в русле популярных в современной литературе произведений, написанных на судебных материалах, таких как «Судебное разбирательство» П. Вейса, «Дело Оппенгеймера» Г. Кихардта и др. Основанные на подлинных фактах, когда цитируются не только имена и цифры, но и детали, частности, когда в уста героев вкладываются запротоколенные реплики и свидетельства, такие произведения дают возможность по-новому осветить и осмыслить факты, раскрыть психологию не только жертв судебного произвола, но и бесчеловечность их судей. Не удивительно, что нередко материалом судебных разбирательств в подобных случаях служит антигуманная структура фашистского государства, с очевидной ясностью продемонстрировавшего, к чему может привести доведенная до совершенства модель тоталитарной диктатуры.

Казалось бы, царскую империю образца 1909 года разделяют десятилетия от фашистского «рейха» образца 1933 года, а тем более от «демократического» американского государства послевоенных лет, но есть в авторском замысле нечто общее: поразмыслить над судьбой человека в государстве, лишенном даже намека на свободу волеизъявления, печати и слова, показать всю античеловечность сообщества людей, основанного на механизме подавления и угнетения, на режиме тюрем, каторг, малых и больших освенцимов.

Рассказ о человеке, чья судьба стоит в центре объемистого повествования, Д. Гусаров начинает с упоминания о неудавшемся преферансе на квартире одного из петрозаводских чиновников. На первый взгляд, целая пропасть разделяет помощника начальника Олонецкого губернского жандармского управления подполковника Самойленко-Манджаро и разносчика газет Петра Анохина, но вот последний открыто восстает против сложившейся веками упорядоченной системы доносов и всеобщей слежки — и сразу начинают вертеться хорошо смазанные колеса государственной машины. Отложен в сторону преферанс, и как ловец, обложивший волка красными флажками, опытный и умный жандарм начинает плести вокруг казалось бы наивного и не слишком

грамотного паренька паутину интриг, заинтересованный вместе со своим начальником Криштановским придать делу политическую окраску, разоблачить «злоумышленников», показать себя в глазах начальства проницательным и недремлющим «государевым оком» и тем самым подняться еще на одну ступеньку карьеры царского слуги. Судебное дело вокруг покушения Анохина 11 августа 1909 года на жандармского унтер-офицера Иванова объединяет десятки и сотни заинтересованных лиц и позволяет выявить полярное их отношение и к самому процессу, и к личности подсудимого.

Не случайно в качестве эпиграфов к половине глав «Вызова» стоят выписки из показаний, распоряжений, доносов, сделанных по поводу судебного дела Анохина малыми и большими «бонзами» российской империи: здесь мы найдем и рапорт жандармского унтер-офицера Ишанькина, шифрованную телеграмму в Петербург командиру корпуса жандармов, сообщение о вынесении смертного приговора за подписью военного судьи генерал-майора Никифорова. Чем дальше разворачивается действие, тем все более могущественные силы империи подключаются к торжествующей расправе над «бунтовщиком». Так перед читателем возникает сложнейшая, проверенная трехсотлетним существованием, карательная структура царизма. Силы кажутся тем более неравными, что Д. Гусаров рисует людей, призванных охранять правопорядок, как по-своему хитрых, толковых и умных слуг, умеющих где кнутом, а где и пряником добиться нужного признания, пресечь в зародыше попытку создать в провинции социал-демократические кружки. Жестокая сила жандармского недремлющего ока выявляется и в судьбе таких, сломленных в борьбе людей, как Яков Верещагин, как запуганные петрозаводские обыватели, сворачивающие в закоулки при виде процессии кандалъников.

Юный Анохин кажется поистине тростинкой перед поднятыми его поступком волнами священной ненависти в правящем обществе. Бесхитростный молодой человек, вся жизнь которого была ограничена кругом родных, а интересы — умением вовремя разнести газеты по чиновничьим конторам, он, по мнению жандармов, должен раскаяться, просить прощения и надолго запомнить,

что это значит — выступить против всемогущего государства. Силы выглядят неравными — и тем более удивляет царских карателей нравственное мужество паренька, безрассудно бросившего вызов обществу.

За описанием тюрем, в которых довелось побывать Петру, за рассказом о новых знакомых, политических ссыльных, со страниц книги встает противоборствующий самодержавию лагерь революционеров, многие тысячи которых были осуждены в годы реакции, но не смирились и продолжали борьбу даже в каторжных центрах. И фигура молоденького паренька, с рабочей простотой выбравшего путь революционера, приобретает постепенно обобщающее значение в рассказе о тех зреющих в недрах режима молодых силах, рождение которых предвещает неизбежную гибель самодержавия.

Своеобразие творческих индивидуальностей Е. Марьенкова и Д. Гусарова не могло не сказаться и на принципах композиции их произведений.

Е. Марьенков в «Записках краскома» раскрывает мир прежде всего глазами Алексея Боброва. Мужает характер «краскома» — с иными, более зрелыми критериями подходит он к оценке жизненных ситуаций. За кажущейся простотой исповеди юного героя незримо присутствует умный, многое испытавший человек, который знает, что читатель ждет от него только правды. «Записки краскома» при внешней авторской бесстрастности наполнены высокими социальными эмоциями и переживаниями.

В композиции книги Д. Гусарова очевиден точный хронометраж, продуманное расположение материала. Автор как бы проводит эксперимент в трех частях, пробуя найти надежный путь к сердцу читателя, отыскать наилучшие формы сплава исторических фактов с домыслом. Определяя это своеобразие, Д. Гранин в упомянутом предисловии пишет, что книга Д. Гусарова «соединяет в себе биографическое повествование, оригинальное по событиям и авторскому почерку историческое исследование и в некотором смысле жанр детектива». Здесь намечены основные принципы композиции каждой из трех повестей книги Д. Гусарова, раскрывающие оригинальность авторского решения темы.

Но если можно с уверенностью говорить о крепости связующих сюжетных троп первых двух повестей, то

третья повесть «Трагедия на Витимском тракте» по своему решению темы отлична от предыдущих. Она рассказывает о последней странице из жизни Петра Анохина и начинается с известия о его смерти. Автор анализирует и отмечает многочисленные версии убийства, сопоставляет показания свидетелей, рассказывает о последних часах обложенного со всех сторон убийцы и заканчивает книгу изложением судебного процесса над группой бандитов. Перед нами, по меткому замечанию Д. Гранина, «увлекательный психологический детектив», читающийся с тем большим интересом, что действие разворачивается самым естественным, документально подтвержденным образом, что в ходе его автор выводит на авансцену колоритные образы сибирских крестьян, рисует своеобразный быт и нравы «буферной» Дальневосточной республики.

И если рассматривать «Трагедию на Витимском тракте» как самостоятельное произведение, то можно понять и принять такое авторское решение. Однако повесть является третьей, завершающей частью книги. Между тем о работе Анохина в Дальневосточной республике рассказано лишь в беглых отзывах и официальных документах. Повесть ничего нового не привносит в уже сложившееся представление о герое. Увлеченный интригой, читатель теряет ту общую нить рассуждений, что так старательно вел автор из первой во вторую повести и что так цементировало композицию книги.

Прозаик, собравший громадный архивный материал, напоминает скульптора, оставленного наедине с глыбой камня. И тот, и другой стоят перед выбором единственно возможной формы выражения идеи. В своем творческом поиске Д. Гусаров не избегает просчетов: среди живо выписанных сцен попадаются суховато-информационные строки, место тонких психологических наблюдений вдруг занимает скоропись фактов и перечислений, а детективная интрига может и отвлечь в сторону от главной тропы изложения. И тем не менее сам факт этого поиска, в целом безусловно удачного и интересного, свидетельствует об авторском желании по-новому рассказать о героях революционных лет, приблизить их к сегодняшнему поколению советских людей.

Дюжев Ю. И.

Д 95 Слушайте Революцию. Историко-революционная тема в русской литературе Севера. Научный ред. Ю. А. Андреев. Петрозаводск, «Карелия», 1974.

184 с.

(Академия наук СССР. Карельский филиал. Институт языка, литературы и истории.)

В монографии исследуется и социально-общественная, и художественная эволюция историко-революционной темы в литературе Севера за 50 лет (по 60-е годы включ.). Общая характеристика особенностей литературного процесса на Севере опирается на конкретный анализ многих произведений прозы, поэзии и драматургии. Монография содержит обильный фактический материал, воскрешает ряд забытых имен, многие факты и сведения приводятся впервые.

Д $\frac{0722-084}{M127(03)-74}$ 49-74

8P2

Юрий Иванович Дюжев
СЛУШАЙТЕ РЕВОЛЮЦИЮ

Утверждено к печати Институтом языка,
литературы и истории Карельского филиала
Академии наук СССР

Редактор *В. И. Чернецова*. Художник *Ю. П. Раствурин*. Художественный редактор *Л. Н. Дегтярев*. Технический редактор *Э. С. Луккоева*. Корректор *Э. Г. Раствурина*. Сдано в набор 12/V 1974 г. Подписано к печати 10/XI 1974 г. 02457. Бумага 84×108¹/₃₂. № 1. 9,66 усл. печ. л. 9,80 уч.-изд. л. Изд. № 139. Тираж 2000. Заказ 2230. Цена 72 коп. Издательство «Карелия». Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1. Типография им. Анохина Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

72 коп.